

Т.В. ТЕМАЕВ

РЕЛИГИЯ В ЖИЗНИ ПОЖИЛОГО ОСУЖДЕННОГО

*Положительный эффект есть, но
он заключается не поймешь в чем.*

Сотрудник колонии

Россия на современном этапе демонстрирует последовательность в желании реформировать все недемократические социальные институты, в том числе и исправительные учреждения. Однако преобразование пенитенциарной системы не является делом первостепенной важности; в результате наблюдается затягивание периода реформ и их сворачивание. Тем не менее, произошедшие в обществе изменения все же отразились на некоторых аспектах деятельности системы исполнения уголовных наказаний, связанных с поиском новых направлений, форм и методов духовно-нравственного и психолого-педагогического воздействия на лиц, совершивших преступления. Например, с 90-х годов XX века начался новый этап взаимодействия сотрудников, исполняющих наказания, с различными религиозными конфессиями [1].

До недавнего времени преступное поведение применительно к геронтологической группе в российском научном дискурсе не рассматривалось. Артикуляция проблем, связанных с геронтологической преступностью, инициировала поиск способов воздействия на преступников данной возрастной категории, разработку оптимальной системы исправительных мер, соответствующую подготовку судей и работников исправительных учреждений (ИУ). В связи с этим исследование роли религии в исправительном учреждении применительно к геронтологической группе становится более чем актуальным.

Задачей данной статьи является социологический анализ деятельности религиозных организаций в исправительных учреждениях и выявление их роли применительно к пожилым осужденным.

Методические замечания

Сбор и анализ материала проводился в 2007–2008 гг. по методологии «двойной рефлексивности» (N=27)¹. Концепция двойной рефлексивности связывает теоретические категории качественного исследования и качественно-количественного интервью со стратегиями полевого

Темаев Тимур Вадудович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Саратовского государственного технического университета. Адрес: 410053, Саратов, ул. Политехническая, д. 77. Телефон: 8 (905) 380-31-80. Электронная почта: timur_temaev@mail.ru

¹ Автор выражает признательность руководителю школы-студии глубинного интервью при кафедре социологии СГТУ И.Е. Штейнбергу и коллегам по семинару — А.А. Смолькину за сопровождение в ИУ и помощь в проведении интервью, А.С. Лобецкому и С.В. Филипповой за помощь в обсуждении полученных результатов.

исследования интерактивного типа, которому присущи вживание, глубинные интервью, а также коллективная интеллектуальная поддержка в режиме «длинного стола» [7]. Количество респондентов обусловлено особенностью выбранного объекта, насыщением кодировочных категорий. Длительность интервью 20–45 мин., в среднем по 30 мин. В качестве респондентов выступали сотрудники двух исправительных учреждений г. Саратова и области, пожилые осужденные (59–73 лет) четырех исправительных учреждений, а также представитель христианской (православной) церкви, более пяти лет отвечающий за сотрудничество с исправительными учреждениями по Саратову и области².

Вопросы, задававшиеся сотрудникам исправительных учреждений и осужденным, были разбиты на четыре блока: «Представленность религиозных организаций в ИУ», «Оценка деятельности религиозных организаций в исправительных учреждениях сотрудниками ИУ», «Отношение к религии, практическая значимость и влияние религии на осужденных третьего возраста». Вопросы представителю религиозных организаций были разбиты на три блока: «Представленность в исправительном учреждении», «Цели посещений и общие результаты деятельности религиозных организаций в исправительном учреждении».

Все интервью, кроме интервью с представителем церкви, проводились на территории исправительного учреждения, в отдельном помещении, в присутствии сотрудника учреждения. Ввиду специфичности респондентов интервью имели различную длительность и содержание. При транскрипции автор статьи старался сохранять специфику словоупотребления респондентов (ненормативная лексика в тексте не использовалась, а «тюремный жаргон» пояснялся).

В качестве рабочей гипотезы исследования выступало представление о том, что религия является одним из важнейших институтов, способствующих исправлению и перевоспитанию осужденных третьего возраста.

В статье рассматривается преимущественно роль христианства (православия) в исправительном учреждении, так как подавляющее большинство опрошенных осужденных пожилого возраста относили себя скорее к христианской церкви и посещали встречи как с представителями православной, так и баптистской церквей. Также отметим, что деятельность представителей христианства в ИУ более динамична по сравнению с представителями других религий, например, ислама.

Посещение священнослужителями исправительных учреждений

Как отмечают сотрудники исправительных учреждений и осужденные, в каждой колонии созданы или находятся в процессе строительства места для отправления религиозного культа. Эти сведения вполне согласуются с нашим личным опытом, приобретенным в результате

² Отдельную благодарность мы выражаем Отцу Сергию Выгодину за помощь и сотрудничество в проведении настоящего исследования.

неоднократных посещений исправительных учреждений. Никаких трудностей и препятствий со стороны сотрудников осужденные, желающие приобщиться к религии, не испытывают [3]. В исправительных учреждениях имеются специально оборудованные места: несколько комнат для православных, включающие зал для просмотра видеозаписей религиозного содержания, библиотеку, алтарь, и, как минимум, колонии располагают молельными комнатами для мусульман.

С религией у нас здесь хорошо. У нас замечательные контакты с христианской епархией, они нам здесь храм построили, один из лучших храмов в области... Храм расписывают монахи, везде храм расписывают осужденные, а у нас монахи. У нас настоятель игумен Иммануил, это его усилиями и заботой храм практически закончен. То есть роспись уже, алтарь хороший, храм до этого существовал, но помещение было маленькое. Сейчас помещение расширили, и численность увеличилась значительно. <...> Вот с остальными религиями у нас что-то не складывается. Вот мусульмане, выделили мы им помещение, но силами осужденных смогли только расчистить помещение, оштукатурили его и все. Мы связываемся с руководством мусульман, они обещают помочь, но пока все. Более того, так если образно выразится, если христиан, которые ходят, около 60 человек, то мусульман, которые обращались, чтобы комнату им выделили, всего 8 человек (*начальник по воспитательной и кадровой работе 1, июнь 2007*).

Скажем, действительно верующих, тех, которые ходят в церковь, молебны посещают, их можно пересчитать по пальцам по большому счету. Остальные, как можно сказать, сочувствующие, которые «когда их огонь не греет, могут выйти на холод», то есть когда им выгодно пойти в церковь, они пойдут. А вот так истинно верующих, их реально пересчитать по пальцам. То же самое касается и мусульман. Сейчас будем вести строительство мечети, начинать. У нас их порядка 100 человек: это все непосредственно те, кто иностранные граждане. Таджики в основном, у нас их более 10 человек (*начальник по воспитательной и кадровой работе 2, август, 2007*).

Там же, как... церковь и такая есть и это, как его, мечеть (*осужденный, 67 лет, второй срок заключения, декабрь, 2007*).

В каждом исправительном учреждении есть храм, представляющий собой либо несколько комнат, либо отдельно стоящее здание. За каждым учреждением закреплен священнослужитель (*православный священнослужитель, июль 2008*).

Подчеркнем, что в исправительных учреждениях есть возможность для деятельности других религиозных конфессий. Встречи со священнослужителями осуществляются, как правило, на добровольной основе, что открывает возможность деятельности представителям любой конфессии, даже если количество желающих приобщиться невелико:

Приезжали два раза баптисты из Москвы. Приехали, мы объявили, кто хочет поговорить, приходите, мы людей специально не собирали. Мы вообще никогда не собираем, только объявляем. Значит, объявили, пришли три человека, с ними побеседовали, уехали. Еще раз приехали, к ним пришло два человека, больше пока не приезжали. <...> Другие... Из

еврейской религии тут у нас нет никого. Был тут один, сидел, Нисман, к нему приезжали, он сам просил... с ним побеседовали (*начальник по воспитательной и кадровой работе 1, июнь 2007*).

Итак, деятельность православной церкви является более развитой, что вызвано как ее неформальным статусом основной религии в нашем обществе, так и бóльшим числом желающих прийти на встречу именно с православным священнослужителем и посетить православный храм.

Цели религиозных организаций и миссия их представителей в исправительных учреждениях

Православная епархия определяет конкретные храмы и ответственных в них для деятельности в исправительных учреждениях. С точки зрения священнослужителей, институт религии в ИУ должен внедряться и осуществлять свою деятельность при непосредственной инициативе и поддержке государства, а не на уровне общественных организаций [6]. На взгляд автора статьи, наше современное государство по-прежнему редко вступает в диалог с негосударственными структурами, в том числе и религиозными, что мешает более плодотворному сотрудничеству между ними. Сегодня государство остается доминирующим институтом практически во всех сферах жизнедеятельности, в связи с чем для достижения бóльшей эффективности в своей работе священнослужители (особенно православные) нуждаются в поддержке со стороны должностных лиц ИУ. Представители религии зачастую вынуждены напоминать сотрудникам учреждений о душе заключенного, о необходимости создания условий для религиозной деятельности в исправительном учреждении, что, в свою очередь, приведет и к соблюдению осужденными режима, а в итоге — к их исправлению и перевоспитанию:

И.: Заявлено ли исправление осужденного как функция церкви в исправительном учреждении?

Р.: Конечно заявлено. Осужденный совершает преступление, кого-то начинает совесть заедать за содеянное преступление, он приходит, кается, исправляется. Без участия человека ничего не получится. Если он не хочет, то не исправится, а если хочет, то да, тем более что с Божьей помощью все можно (*осужденный, «присматривающий за церковью» в ИУ, декабрь 2007*).

Со стороны режима могу сказать одно. Грядет проблеск — хорошо. Допустим, собрал он мусульман в зале. <...> Он действительно дал им правила, что это нельзя, не нужно нарушать режим (*начальник по воспитательной и кадровой работе 2, август 2007*).

Никаких специализированных целей в деятельности в рамках исправительного учреждения церковь перед собой не ставит, тем более никаких специальных методов по работе с осужденными различных возрастов нет. Церковь интересуется душа человека, неважно, где он находится, в

исправительном учреждении или на свободе (*православный священнослужитель, июль 2008*).

Таким образом, системы религиозного исправления и перевоспитания заключенных нет, что подтверждается и самими осужденными. Деятельность представителей религии осуществляется без всякой адаптации к специальному контингенту: поправки на стаж пребывания в исправительном учреждении, на оставшийся срок отбывания наказания, на степень религиозности, на возраст не отмечаются. «Посттюремная» перспектива обратившихся к вере во время отбывания наказания также не обозначена.

А выходит за пределы, он сразу забывает о Боге. <...> Когда за решетками — думают о Боге, а, выходя на свободу, они о Боге забывают, абсолютно (*начальник по воспитательной и кадровой работе 1, июнь 2007*).

Каждый из моего прихода после освобождения хоть раз приходил ко мне. Кому-то я давал одежду, кого-то кормил первое время. Потом они разъезжаются по своим домам (*православный священнослужитель, июль 2008*).

В целом, конечная цель и роль обращения к религии в исправительном учреждении для конкретного осужденного в «посттюремный» период, независимо от возраста, не просматривается, что в числе прочего свидетельствует и об отсутствии четко проработанного плана деятельности религиозных организаций в исправительных колониях.

Оценка деятельности религиозных организаций сотрудниками исправительного учреждения

По мнению таких исследователей, как В. Орехов и В. Бужак, большинство сотрудников исправительного учреждения положительно оценивают влияние религиозных конфессий на осужденных. Отмечается уменьшение межличностной напряженности в отрядах, позитивное изменение в нравственных ориентирах осужденных, улучшение их дисциплины. Кроме того, религиозные организации способствуют занятости свободного времени осужденных, поддержанию социально-полезных связей, оказывают колониям и СИЗО гуманитарную помощь [5, 2].

Действительно, результаты и нашего исследования показывают, что администрации в определенном смысле выгодна деятельность священнослужителей, так как верующий осужденный, как правило, менее опасен и вызывает меньше хлопот в межличностных отношениях, что, конечно, не всегда означает наличие положительных сдвигов в процессе его исправления:

Положительный эффект есть, но он заключается не поймешь в чем. Не понятно, заключенный показывает или действительно верит в бога, что уже хорошо (*психолог 1, июнь 2007*).

Опять же ходят [в церковь] они не все. Если он даже занимается показухой, вот, мол, я такой хороший, я верю в бога, я исправляюсь, быстрее меня освободите. <...> Религия не подразумевает соблюдение режима. Он может хорошо относиться к людям, помогать малоимущим, не ругаться матом, но к режиму это отношение не изменит (*психолог 2, июнь 2007*).

Понимаете, кто действительно регулярно посещает — их человек шесть — по ним видно, что изменилось и общение, и отношение в положительную сторону. <...> Настоятель формирует вокруг себя группу из восьми примерно человек, там тоже все по-разному. Церковь, — как и у нас в военной организации, есть настоятель, есть послушники. Из них человека три только от священника прям не отходят. Когда он приезжает, они бегают вокруг, суетятся, надо что-нибудь помочь. <...> Искренне они это делают или нет — в душу не залезешь. Все зависит от ситуации. Тем не менее, в тюрьме есть надзор, он чувствует себя защищенным. Поэтому в этих тепличных условиях, когда у них нет доступа к тем же алкоголю с наркотиками, — это один человек, а когда он вышел на свободу, расслабляешься, так что тут не скажешь, исправился он или нет (*начальник по воспитательной и кадровой работе 1, июнь 2007*).

Большого положительного эффекта нет. <...> Молятся, Церковь, все. Заповеди «не убий»... но молятся здесь. <...> Когда начинаешь спрашивать: «Ну, ты вот ходишь в церковь, молишься, не укради, не убей...». То есть, раскаивается ли он, находясь там, в Церкви, это нет (*начальник по воспитательной и кадровой работе 2, август 2007*).

Более того, сотрудники отмечают преследование меркантильных интересов со стороны осужденных относительно религиозной сферы. Приезд представителей религии рассматривается как некое изменение в монотонной жизни заключенного, как бесплатное получение подарка (литературы, тетрадей и проч.), возможность продемонстрировать религиозностью готовность к условно-досрочному освобождению.

Бывало, что в помещении церкви находили продукты питания, личные вещи, запрещенные предметы. Не то чтобы оскверняли храм или что-то серьезное, но находили такие вещи. Были и такие случаи, когда заключенные уходили по УДО, мы за них просили, епархия за них ходатайствовала, а они все равно совершали преступления (*начальник по воспитательной и кадровой работе 1, июнь 2007*).

Бывало, я приносил в исправительное учреждение еду после Пасхи, нелегально, но многие (молодежь) ели такую вкусную еду впервые, так как на свободе они вообще ничего хорошего не видели (*православный священнослужитель, июль 2008*).

Есть люди, которые показывают, что это положительно на них влияет, хотя, может, он и вынашивает мысли, что он опять сюда сядет, но он не скрывает, что хочет хорошо характеризоваться, чтобы его условно-досрочно освободили (*психолог 1, июнь 2007*).

Использование в личных интересах посещений священнослужителей подтверждается и пожилыми осужденными:

Р.: Поп приедет, эти [осужденные] идут, думают что-нибудь привезли, давать будут. Вот бегут... книжку какую-нибудь дадут, тетрадку, они и рады.

И.: А почему они этому рады?

Р.: Потому что у него нет ничего, он сидит, у него ни курить ничего откуда нет. А если бы они [религиозные деятели] привозили по блоку сигарет «Астра» или «Прима», они бы [осужденные] каждый день ходили,

днями бы там были. Вон мусульмане... по два-три убийства, а сейчас коврик расстелет, и целый день ползает по этому коврику. Молился бы ты дома, не делал бы убийств.

И.: То есть вы думаете, что заключенные преследуют меркантильные интересы, не за душевной чистотой идут?

Р.: Конечно, какая там душевность... пошли, собрали (*осужденный, 61 год, стаж заключения 20 лет, декабрь, 2007*).

Он [осужденный] что, чтобы себя оградить здесь, чтобы его не трогали, потому что он и здесь напакостил, пошел молиться богу. Что бы от этого себя обезопасить, от администрации, он по УДО уйдет. Хитрый, он по пять раз по УДО уходит... (*осужденный, 62 года, стаж заключения 45 лет, декабрь 2007*).

Безусловно, такие практики не демонстрируют последовательной веры человека и не способствуют заявленному духовно-нравственному перевоспитанию осужденных в рамках исправительного учреждения. Хотелось бы подчеркнуть, что практики представителей религии в пенитенциарной системе нуждаются в корректировке. Заслуживает внимания и тот факт, что представители некоторых религиозных направлений в собственных целях пользуются положением осужденных. Например баптисты, специально приезжают с «гостинцами» для более эффективного привлечения осужденных на свои мероприятия. Данный факт подтверждается и другими исследованиями [4].

Отношение к религии пожилых осужденных

Как правило, осужденные третьего возраста, несмотря на преступный образ жизни и воспитание в социалистической атеистической идеологии, считают себя людьми верующими или, по крайней мере, спокойно относящимися к религии:

Я верю в Бога, конечно, она [вера] мне помогает. По крайней мере, здесь [в религии] без обмана. Потому что Бог есть Бог, он был и будет всегда. Русь всегда на этом стояла и будет стоять. Я Россию люблю и Русь уважаю. Не националист, но русские всегда всех спасали... по большому говорить, там татары, французы, немцы... перечислять долго по пальцам не хватит, да и сейчас спасает христианская вера тем более. Для религии, конечно, все одинаковые, верит каждый по-своему. Но мусульманская, она более жестче, как говорится, христианская она такая более добрая, мне кажется. По крайней мере, христиане мир держат, в принципе все православие сейчас на Руси осталось, ну где там, в Греции и все, ну она там изначально, как говорится (*осужденный, 70 лет, первый срок заключения, декабрь 2007*).

Р.: Я религиозный, я верю в Аллаха.

И.: А здесь есть возможность для этого?

Р.: Я вам одну вещь скажу, у меня свои понятия на счет этого. Здесь есть лицемеры, понимаете. Он столько натворил в этой жизни, у него столько грехов, я бы столько не простил (*осужденный, 62 года, стаж заключения 45 лет, декабрь 2007*).

Знаете, я даже в реинкарнацию верю, Бог он, естественно, должен быть. Но вот только лишь тут небольшой нюанс, мне между Богом и мной посредники не нужны, ни в виде попа, ни в виде кого-нибудь. Если поп принял коммунистическую власть, то власть дьявола он тоже примет. Я все это читал — и Коран, и Библию, и все остальное... У меня подсобник был на Балашове, человек окончил МГУ, факультет философии, в Саратове социологию преподавал. Мы с ним железки красим, а он мне полоскал, с ним говоришь, говоришь, а он коммунистической воспитанности был, он бежит у замполита перероет всю библиотеку, потом дня через три: «Правильно ты говорил, Сережа». Оно ж надо понимать, почему Шопенгауэр считается мракобесом, а Фейербах ближе к социализму, это надо самому головой подходить, ведь правильно (*осужденный, 60 лет, стаж заключения 32 года, декабрь 2007*)?

Да как, все верующие. Там же, как... церковь и такая есть и это, как его, мечеть (*осужденный, 67 лет, второй срок заключения, декабрь, 2007*).

Вот это вот... не могу я... как говорится, ругать не ругаю, а сам верить, можно сказать, не верю. У меня родители никогда не ходили, ни в церковь, ничё. Я против-то ничего не имею, пожалуйста, верь, молись (*осужденный, 59 лет, первый срок заключения, декабрь 2007*).

Признание за собой религиозности не означает, что, находясь в исправительном учреждении, осужденные периодически посещают места отправления культа, ходят на встречу со священнослужителем. Зачастую им запрещается этот вид деятельности по состоянию здоровья, некоторые же сами не проявляют желания — кто прямо, а кто, маскируя различными причинами:

Нет, здесь я не посещаю храм, нет такой возможности, не разрешают нам. Здесь меня в психоотделение заперли, хотя и не по делу заперли. У меня открытая черепная травма. Решили, что так и обсуждать нечего, но я считаю, что не правы в этом отношении (*осужденный, 70 лет, первый срок заключения декабрь, 2007*).

Нет, сейчас я не хожу, у меня сердце уже 30 лет, я гипертоник, у меня отдышка, я уже старый, пока иду, я задыхаюсь. Она [вера/религия] человека воодушевляет, направляет, поясняет. Потусторонние силы, как говорится, помогают. Человек, если нормальный, все правильно понимает (*осужденный, 63 года, стаж заключения 36 лет, декабрь 2007*).

И.: В церковь ходите?

Р.: Ну, ходят ребята.

И.: А вы ходите?

Р.: Да ну ее... у меня уже силы нет (*осужденный, 61 год, стаж заключения 20 лет, декабрь 2007*).

И.: Как вы думаете, может религия помочь в исправительном учреждении? Ходите вы в церковь?

Р.: Религия... религия — это... как человек уйдет в себя. Уйдет в себя, он может, действительно, в религию. Я вот даже не крещенный. Меня некому было крестить.

И.: Ну а здесь...

Р.: Но я не против религии, ничего, бог с нею. Может я и крещусь, только освобожусь. В нормальной церкви. Приду я, крещусь.

И.: А вот здесь не нормальная, вы считаете?

Р.: Ну, здесь заключение. Тут все это совсем по-другому (*осужденный, 73 года, стаж заключения 30 лет, июль 2008*).

Некоторые осужденные также отметили негативное воздействие религии, что может свидетельствовать о несвоевременной работе с ними сотрудников исправительного учреждения:

Там все есть, и читают, и иконы торчат у одного. Не знаю, один говорит, что он вечно будет жить, я не знаю, ум наверно у него уже зашел. Пришел и говорит: «Я вечно буду жить!», — представляете? (*смеется*) (*осужденный, 67 лет, второй срок заключения, декабрь, 2007*).

В целом можно констатировать, что пожилые осужденные положительно относятся к религии, одобряют деятельность ее представителей и лояльно относятся к различным конфессиям. Отдельные случаи последовательного воцерковления не приводят к религиозным противоречиям. Несмотря на социалистическое прошлое, пожилые осужденные обладают определенными знаниями в религиозной сфере, что выражается в понимании значимости той или иной религии для конкретного народа, истории ее происхождения и основных положений.

Практическая значимость религии в исправительном учреждении: точка зрения осужденных и сотрудников ИУ

Роль религии в исправительном учреждении для заключенных третьего возраста неоднозначна. Нельзя сказать, что религия им представляется не нужной или мешающей деятельности учреждения. Но, с точки зрения респондентов — сотрудников и осужденных — положительного эффекта, выраженной пользы, как и специально продуманной тактики церковного окормления осужденных, не наблюдается.

Р.: Ну, какая тут польза? Для зека какая польза? Вот меня взять, у меня силы, говорю, нет идти [в церковь], вот на третий этаж, и вот я по этим ступенькам залазаю и до блевотины, я уже задыхаюсь, блевать, все. Они [активисты] мне: «Что ты последний!». Ну, не могу я. А там больной не больной, встал, иди.

И.: А кто вас туда гонит?

Р.: Цедэпешник. (*активист, осужденный, 61 год, стаж заключения 20 лет, декабрь, 2007*).

Вроде как отчиститься, бог ее знает, помогает или нет, ходят... сам я не знаю (*осужденный, 67 лет, второй срок заключения, декабрь 2007*).

Да, помогает, да, я ходил было время раньше, по праздникам. Ходил к батюшке, молился. Я крещенный, православный, я этого направления (*осужденный, 63 года, стаж заключения 36 лет, декабрь 2007*).

Не знаю, не знаю. Ну, как это так, верить, ходить, молиться и грехи совершать и не один, а 30 лет уже отсидеть. Я не верю в это. Мне кажется, если бы человек действительно осознал, действительно душой верил, то

он, допустим, через три месяца, не приезжал бы сюда: «Здравствуйте, я вот приехал опять». Я вот три года по беде получилось, и то сколько уже на моих глазах приезжают назад через три-четыре месяца, пожалуйста... какая это вера, во что это вера. Я не знаю... ну, некоторые сейчас, ну, иконки таскают, образа там, что-то, крестики. Ну, не могут эти люди душой верить, если он верит, то не будет больше пакостить (*осужденный, 59 лет, первый срок заключения, декабрь 2007*).

Конечно, многие приходят из любопытства, многие приходят из-за гуманитарной помощи, когда священник приезжает, он что-то привозит. Но заметно, что что-то изменилось, то есть люди потянулись. Я не считаю, что это конкуренция нам, ради бога, то есть хорошо, что люди ходят. То есть он занят, нам не мешает (*начальник по воспитательной и кадровой работе 1, июнь 2007*).

Можно отметить, что пожилые осужденные, неоднократно пребывающие в исправительном учреждении, к своему исправлению относятся скептически, считают, что жизнь они практически прожили и ничего менять в ней не собираются. Религиозная деятельность священнослужителей различных конфессий не оказывает существенных мер воздействия на перевоспитание осужденных, не влияет ни на соблюдение ими режима, ни на нравственное и духовное исправление. Тем более что количество пожилых осужденных, особенно верующих и посещающих места отправления культа, невелико:

И.: Вы религиозный человек?

Р.: Да. Когда мне бывает... ложишься или там встаешь, или там что-то такое. Бога вспоминаешь. Но я ни Богу, ни черту не верю.

И.: На территории зоны вы не ходите в церковь?

Р.: В церковь нет. Я говорю ни черту, ни Богу я не верю (*осужденный, 71 год, 8 срок заключения, июль 2008*).

И.: Вы как к религии относитесь? Ходите в церковь?

Р.: Я не положительно, не отрицательно. Находит нужным человек, пусть верует. Я — неверующий (*осужденный, 65 год, стаж заключения 28 лет, июль 2008*).

И.: Вы как думаете, религия помогает заключенному исправиться?

Р.: Да, конечно помогает.

И.: Вот вы видели тех, кому религия помогла?

Р.: Я таких не встречал (*осужденный, 73 года, стаж заключения 30 лет, июль 2008*).

И.: А много ли у вас в отряде серьезно верующих осужденных?

Р.: В отряде таких религиозно направленных особо нет (*начальник отряда осужденных пожилого возраста и инвалидов, август 2007*).

Таким образом, отсутствие интереса у пожилых осужденных к деятельности церкви в исправительном учреждении позволяет утверждать, что потребность в этом у данной возрастной когорты отсутствует, что, однако, не приводит к полному отсутствию среди них верующих.

Те же, кто назвал себя религиозным, подчеркнули, что в посредничестве между ними и Богом (Христом или Аллахом) они не нуждаются. Это сводит роль религии в жизни осужденных третьего возраста к формальному минимуму — наличию практической возможности при желании или острой необходимости обратиться к священнослужителю или посетить место отправления культа.

Выводы

По результатам проведенного социологического исследования, роль присутствия религиозных организаций в исправительных учреждениях Саратова и области можно свести к нескольким основным пунктам:

1. Для сотрудников исправительного учреждения оно проявляется:
  - а) в виде некоторого облегчения работы с пожилым осужденным в бытовом отношении — увеличение стабильности в поведении и уменьшение конфликтности во взаимоотношениях с окружающими (при условии увлечения религией);
  - б) в виде использования религиозности пожилого осужденного в качестве дополнительного аргумента при постановке его на условно-досрочное освобождение. Отметим, что данный пункт, пожалуй, единственный, в котором интересы сотрудников учреждения и пожилых заключенных совпадают.
2. Для пожилых осужденных присутствие в ИУ религиозных деятелей означает:
  - а) возможность демонстрацией религиозности (истинной или ложной) получить от религиозных организаций и/или от сотрудников исправительного учреждения ходатайство об условно-досрочном освобождении;
  - б) потенциальную возможность при необходимости пообщаться со священнослужителем и посетить место отправления культа;
  - в) возможность «развеять тоску» в виде прогулки в церковь, просмотра видеозаписей религиозного содержания, что, безусловно, вносит в монотонную жизнь осужденного кратковременные изменения;
  - г) возможность получить подарки — книги, брошюры религиозного содержания, иконы, тетради, ручки, продукты и т. д.

Таким образом, проведенное на материале Саратова и области социологическое исследование свидетельствует о том, что пожилые осужденные и сотрудники ИУ не считают религию одним из важнейших рычагов в деятельности исправительного учреждения по отношению к осужденным третьего возраста. А это означает, что первоначальная гипотеза исследования не подтвердилась. Несмотря на огромный потенциал религии в духовном и социокультурном контекстах, ее роль для пожилой части осужденных оказалась нереализованной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов В.В., Багреева Е.Г., Байдаков Г.А., Бужак В.Е., Мокрецов А.И.* Деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях. М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 1995. С. 8.
2. *Бужак В.* Душа обязана трудиться // Преступление и наказание. 1994. № 6.
3. В российских тюрьмах могут появиться штатные священнослужители [online]. Дата обращения 28.11.2008. URL: <<http://www.pravmissioner.ru/news/0607/07.html>>.
4. *Лозовский В.* Все о жизни в тюрьме [online]. Дата обращения к документу: 26.09.2008. URL: <<http://www.tyurem.net>>.
5. *Орехов В.* Свет Храма приходит в «зону» // Преступление и наказание. 1997. № 9.
6. Священнослужители о религии в тюрьмах // Новости Федерации. Рубрика «Многонациональная Россия [online]. Дата обращения к документу: 26.09.2008. URL: <<http://www.regions.ru/news/nations/2080471>>.
7. *Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. С. 317–344.